

ВОСПОМИНАНИЯ

СВЯЩЕННИК ПАВЕЛ ФЛОРЕНСКИЙ СМЕРТЬ ВАХТЕРА МАТВЕЕВА¹

5-го июля 1919 года по старому стилю, в Сергиев день, с пятницы на субботу после 2-х часов пополудни по солнечному времени вахтер комиссара Лавры Матвеев поехал с двумя товарищами и десятилетним сыном на Черниговский пруд ловить рыбу бреднем с мотней, который он взял силою из Черниговского монастыря. Перед заходом солнца, когда ловится рыба, они стали заводить бредень. Матвеев оставался недалеко от берега, а два его товарища заводили и шли по горло в воде, а ему вода достигала не выше пояса. Все они были одетые. Когда его товарищи уже повернули к берегу с бреднем и готовы были вытащить рыбу на берег, Матвеев без какой-либо особой причины упал в воду и погрузился в нее с головою. Его крики и болтание руками дали понять, что он тонет. Сын его стал сильно кричать, под самыми окнами гостиницы, где находится богадельня. На крик мальчика выбежала заведующая богадельнею Прасковья Никифоровна Филатова, женщина лет 35-ти, и увидела Матвеева, барахтающегося в воде, а рядом — его товарищей, которые стояли как вкопанные и не двигались ни назад, ни вперед. На ее крик, почему они не помогают Матвееву выбраться из воды, они ответили, что руки и ноги у них не действуют, хотя они и сознают, что Матвеев тонет. Тогда Филатовой

¹ Рукопись из архива, хранящегося в доме-музее священника Павла Флоренского, подготовлена к публикации игуменом Андроником (Трубачевым). О. Павел сделал свои записи через несколько дней после описываемого происшествия 8.VII.1919.

вместе с мальчиком брошена была веревка, за которую ухватился Матвеев, но у них не хватило силы потянуть веревку к берегу, так что он с концом веревки погрузился в воду и уже под водою веревку выпустил из рук и пропал неизвестно куда. Товарищи его все время стояли в воде, чувствуя, как они говорили потом, что неизвестной силой были у них отняты руки и ноги: у них получилось такое впечатление, словно их кто-то ударил в предплечья по мускулам. А Филатова почувствовала, что потянуть за веревку у нее не хватает сил, хотя в то же время она сознает, что из воды она могла бы вытащить не только одетого Матвеева, но и всех троих рыболовов. Тут же недалеко от них находилась лошадь, привязанная к телеге; Матвеев взял лошадь эту силою из монастыря для возки своих дров. Лошадь в то время, как все были в оцепенении, словно для того, чтобы отвлечь внимание от Матвеева, упала на бок и начала сильно бить ногами, запуталась в веревке, которою была привязана, так что, чтобы спасти лошадь, которая могла бы задушиться, веревку пришлось перерезать. Для этого у всех нашлись силы, хотя перерезать веревку на бьющейся лошади надо сил больше, чем помочь выйти из воды, и лошадь была спасена, а Матвеев куда-то поплыл, неизвестно куда. Сын Матвеева в это время дважды покушался на самоубийство, сначала хотел ножом перерезать себе горло, а когда у него отняли нож, он хотел удушиться веревкою, которую бросили его отцу. Но его остановили. Поиски Матвеева продолжались очень долго. Нашли его 4 часа спустя, по солнечному времени в 12 часов ночи. Для всех присутствовавших это событие явилось совершенно необъяснимым — как это случилось, что из стольких присутствовавших никто не смог помочь Матвееву. Все они видели и сознавали, что он тонет, сами они стояли в сравнительно неглубокой воде, так что были вне всякой опасности, что могут утонуть, но тем не менее никто, как они говорят, не смог шевельнуть пальцем, чтобы ему помочь. Они говорили, что чувствовали, что есть некто, кто прямо запрещает им подать руку и двинуться с места. Когда же Матвеев погрузился в воду, все совершенно свободно вышли на берег, чтобы помочь ло-

шади, которая упала. Присутствовавшие, а также и вообще в Посаде, усматривают наказание Матвеева. Дело в том, что Матвеев вообще всячески старался проделать что-нибудь такое, что оскорбляло бы, как они говорят, не только их религиозные чувства, но и самые святыни, например, открыто насмеялся над иконами. Он первый поселил свою жену в стенах Лавры, путем насилия забирал в свою пользу монастырское имущество, бесчинно вел себя в своей квартире у Лаврских ворот — горланил, распевал непристойные песни, шумел, вообще после переворота считался, как они выражаются, «отщепенцем». А по впечатлению гр[афа] Юрия Александровича Олсуфьева и моему, священника Павла Александровича Флоренского, Матвеев был человекам неплохим, но на лице его лежала печать отступничества, и как-то ждалось для него что-нибудь особенное. С виду он был среднего роста, коренастый, крепкий. Жена его верующая и любит ходить в церковь. У Матвеева один сын. Матвеева вскрывали.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Священник Павел Флоренский известен как автор фундаментальных трудов по философии, религиоведению, богословию. Однако он отнюдь не был кабинетным мыслителем, оторванным от жизни. В его архиве, хранящемся в Музее священника Павла Флоренского (Москва) находится множество свидетельств эпохи: писем, документов, литературных зарисовок. Одно из подобных свидетельств — данная заметка отца Павла, написанная им на третий день после события. В то время Троице-Сергиева Лавра еще не была закрыта, но местная власть начинала распоряжаться хозяйством Лавры и контролировать ее жизнь. Для этой цели была введена должность «комиссара Лавры». Вахтер комиссара Лавры, вероятно, исполнял обязанности его посыльного, начальника над сторожами проходной и т. п. Заметка написана по всем канонам свидетельского жанра: подробно описываются все обстоятельства гибели Матвеева, которую по человеческому рассуждению никак

СМЕРТЬ ВАХТЕРА МАТВЕЕВА

нельзя было предположить; указывается истинная причина смерти Матвеева — его богоотступничество; и даже такие мелкие подробности, как то: что «Матвеева вскрывали», и то, что тотчас же, к третьему дню после смерти, забылось его имя, свидетельствует, как гнил бывает человек, если отступит от него милость Божия. Ясно, что данную заметку невозможно было опубликовать ни в 1919, ни в последующие годы. Для кого же писал ее отец Павел? Для нашего нравственного назидания.

Игумен Андроник (Трубачев)